

**ЛИФЛЯНДСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 1804 г. В ИМПЕРСКОМ АСПЕКТЕ:
К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в.**

© 2010 А.Н. Долгих

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 20.09.2010

В статье на основе ряда новых источников рассматривается вопрос о Лифляндском положении 1804 г., одном из крупных преобразований эпохи Александра I, последующих изменениях в нем и его значении для разрешения крестьянского вопроса в России.

Ключевые слова: Лифляндия, крепостное право, владельческие крестьяне, инвентарная реформа.

Одним из самых крупных преобразований в социальной сфере эпохи Александра I была Лифляндская реформа 1804 г. Ее значение для данного региона трудно переоценить, так как она не только возобновляла и в определенной степени повторяла для этой территории империи нормы так называемой “шведской редукции” XVII в., но и вводила ряд новых положений, направленных на смягчение крепостного права, а реализация и распространение ее норм на Эстляндию привели на деле к безземельному освобождению остзейских крестьян. Представляется очевидным, что эту реформу нельзя рассматривать лишь в региональном аспекте, так как ее проведение является важной вехой в политике российского самодержавия по крестьянскому вопросу первой четверти XIX в. Проблема эта важна и потому, что в историографии нет единой позиции по поводу сути “Лифляндского положения” и его дальнейшей судьбы. Наряду с мнением о нем как об инвентарной реформе, существуют и оценки его в литературе как реформы, означавшей освобождение крепостных в этом регионе.

При изучении ее стоит обратить внимание на два пласта: общероссийский и региональный. Известно, что примерно с конца XVIII в. в политике самодержавия по крестьянскому вопросу наметился перелом: от развития крепостного права, превращения его из “права по земле” в “право по лицу”, к смягчению крепостничества. Несмотря на консерватизм взглядов Павла I и противоречивость его политики, налицо в ней и ряд новых явлений: ограничение продажи людей без земли, барщины манифестом 1797 г., законодательство, направленное на таксацию ренты в помещичьих (командорственных) и арендных имениях. Таким образом, уже до вступления Александра I на престол существовала некоторая законодательная традиция, направленная на

ограничение прав помещиков (и арендаторов) в отношении подвластных им крестьян, в особенности в западных губерниях империи¹.

Эта линия нашла продолжение при Александре I. Важное значение в связи с этим приобрела Прибалтика. Правление Александра I здесь связано с масштабными крестьянскими реформами. Заметим, что ряд исследователей связывал эти преобразования с неудачами крестьянской реформы в Великороссии. Так, по словам немецкого историка Х.-Й. Краутхайма, “в отношении центральных областей России Александр сознательно принял линию своих предшественников, а его долгосрочные просветительские амбиции ограничивались окраинными провинциями государства”. В любом случае реформы в Остзейских провинциях в первой четверти XIX в. нельзя рассматривать изолированно от общероссийского контекста. С определенной долей осторожности можно утверждать, что это был способ обойти оппозицию помещиков в Великороссии, начав с западного угла России, где ситуация для проведения реформ была более благоприятной, а общество, по словам А.Н. Сахарова, “экономически и политически было к этому более готово”. Мы полагаем, что крестьянские реформы в этом регионе не нужно рассматривать как начало процесса поэтапного их проведения в России вообще. Возможно, монарх и его реформаторское окружение считали, что этим они придадут движению необратимый характер. Представляется интересным мнение В.И. Семевского о неясности для самого монарха того, чего же он хотел добиться: либо реализации одной из его любимых идей – законодательного ограничения прав помещиков над крестьянами, либо он рассматривал этот шаг как промежуточный, как возможное средство давления на помещиков, чтобы заставить их пойти вообще на освобождение крестьян. Этот план держался в глубокой тайне, в том числе и от виднейших сановников империи².

Долгих Аркадий Наумович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории. E-mail: adonli@mail.ru

Эта гипотеза ставит перед исследователем вопроса проблему: почему власти начали этот процесс с Прибалтики, где помещиками были немцы, а крепостными – местное население, да еще и неправославного исповедания? На наш взгляд, имелись обстоятельства, способствовавшие такому его решению. Это и климатические особенности территории, более подходящие для земледелия, чем во многих великорусских губерниях. Очевидно, что помещики-немцы были лучше осведомлены о способах повышения доходности имений, важное значение имел немецкий язык, на котором выходило много книг по сельскому хозяйству. Можно говорить и о выгоды расположения имений: близость Петербурга, морских портов, благоприятные условия для реализации продуктов на рынке. В силу этого помещики здесь были более склонны к изменению системы отношений с крестьянами, нацеленной на приобретение дополнительных доходов³. Иначе говоря, невозможность прежними методами эксплуатации повышать доходность имений ощущалась здесь сильнее, чем в других провинциях империи.

Исторически данные провинции находились в большинстве своем (Лифляндия и Эстляндия) под властью Швеции, и на них были распространены уже в XVII в. нормы так называемой “редукции” или таксации ренты в имениях в зависимости от качества земли. Несмотря на рост эксплуатации крестьянства в этом регионе в XVIII в. после присоединения остзейских провинций к России (при определенном попустительстве местным помещикам со стороны самодержавия), о прежних нормах законодательства власти не забывали. С другой стороны, эти губернии оставались и после присоединения к России в определенном смысле в автономном положении. Возможно, поэтому они стали своеобразным полигоном для испытаний реформ в этой сфере, так как при их неудаче это мало бы отразилось на остальной империи и не вызвало бы болезненной реакции у консервативного русского дворянства. Известно, как Александр I относился к вопросу о самой возможности подобных реформ, обращая внимание на степень культуры и просвещения территории (читай: дворянства). Видимо, начало преобразований здесь в начале его правления было связано и с угрозой внешнеполитическому положению России в случае столкновения с Францией Наполеона. Известны и его отношение к России вообще, очевидная благожелательность к “немцам”, опасения повторить судьбу отца в случае принятия непопулярных мер в отношении русского дворянства. Немаловажным фактором была угроза возможного крестьянского бунта в России

в связи с проведением реформ в пользу крепостных во внутренних губерниях. С Прибалтикой было спокойнее. Разность религий, языка и других обстоятельств могла помешать здесь распространению возможного бунта; его же было и легче подавить в регионе, мало связанном с остальной империей. К тому же в отношении местного дворянства у монарха были и другие способы давления, связанные с нормами упоминавшейся “редукции”. Принципиальным для монарха моментом, при котором только и возможно было проведение подобных радикальных реформ, было согласие, более того, инициатива самих помещиков. Бесспорно, легче было дожидаться ее в данном вопросе здесь, а не где-нибудь в Тамбовской губернии. Для кулуарных по преимуществу попыток решения этого вопроса, которые были в ходу при Александре, Прибалтика была гораздо удобнее⁴. Можно считать, что социально-политическая ситуация здесь была в некотором смысле более жесткой, чем в других регионах, что было связано с тем, что помещики и крестьяне были представителями разных национальностей.

Чем же был обусловлен выбор Лифляндии в качестве первого объекта преобразований? Вопрос об этом в литературе не ставился. Так, В.М. Бокова просто указывала на то, что Александр I, склонный к постепенности в столь важном преобразовании, избрал арену первого эксперимента в этой области окраину империи – Лифляндию, где стала готовиться реформа, осуществленная в 1804-1805 гг. Ясно, что начинать реформу следовало там, где ситуация этому более благоприятствовала, значит, выбор должен был быть сделан между Лифляндией и Эстляндией, так как там имелись плоды “редукции”, традиции таксации ренты. Кроме того, как отмечал японский исследователь Т. Судзуки, в Эстляндии и Лифляндии, где крепостничество стало укрепляться со времени присоединения к России в 1721 г., движение к освобождению крестьянства началось раньше, чем, например, в Курляндии. Но судя по всему межжение еще в шведский период было проведено в основном в Лифляндии, а значит, здесь объективно работы по подготовке реформы было меньше. Здесь и ландтаг был более настроен на преобразование. Еще в 1765 г. по совету Екатерины II лифляндский генерал-губернатор Ю. Броун внес в местный ландтаг написанное в просветительском духе предложение об улучшении положения крепостных. В середине 1780-х гг. в связи с усилением крестьянских волнений в 1795 г. ландрат К.Ф. Сиверс по соглашению с Екатериной II предложил местному дворянству составить правила «в руководство комиссиям», разбиравшим жалобы со стороны крестьян на помещиков. На лифлян-

дском ландтаге 1797 г. был составлен проект улучшения быта крестьян, частично переделанный по замечаниям Сената в 1798 г. Несмотря на попытки Павла I, направленные на возвращение к нормам «редукции» в этом регионе, дело это при нем так и не сдвинулось с места⁵.

Реально реформы в Остзейских губерниях были начаты (уже при Александре I) в Лифляндии, причем, как отмечал Судзуки, “по инициативе дворянства, а не правительства”. Предложения ландтага 1797 г. теперь, после крестьянских волнений 1802 г., были поддержаны новым монархом. В начале правления Александра дворянство Лифляндии поручило Сиверсу поднести на утверждение царю прежний проект, в котором за ними оставалось право продажи крестьян без земли, хоть и без раздробления семейств. В итоге на ландтаге 1803 г. был принят более благоприятный для крестьян проект реформы, чем ранее представленный дворянством. Как писал исследователь Л.А. Лооне, на этом ландтаге группа дворян внесла предложение о безземельном освобождении крестьян, предпочитая уже тогда такой вариант развития событий инвентарной реформе⁶.

Воспользовавшись разногласиями на ландтаге, правительство учредило в столице Лифляндский комитет во главе с министром внутренних дел В.П. Кочубеем (в состав его вошли также О.П. Козодавлев, П.А. Строганов, правитель дел Я.А. Дружинин и 2 ландрата) для подготовки нового положения для крестьян этого региона, о чем говорилось в указе от 11 мая 1803 г., выдвигавшем следующие основы грядущего преобразования: “1. Признать политическое существование поселян. 2. Утвердить им благоприобретенную ими собственность и 3. Оградить их от своевольного с ними обращения чрез определение повинностей крестьян во всех отношениях особыми Комиссиями”. Как было заявлено в последующем докладе Комитета (опубликованном в 1804 г. в “Санктпетербургском журнале”, что говорило о серьезности намерений властей и о стремлении к гласности в проведении реформы), главные его работы над “Положением” для Лифляндии заключались в том, чтобы “не оставить во всех отношениях крестьян к помещикам ничего неопределительного”, признавая “политическое существование поселян”, утверждая за ними “благоприобретенную ими собственность” и ограждая их от притеснений “чрез определение повинностей их особыми комиссиями”. Итогом деятельности Комитета стал именной указ Сенату 20 февраля 1804 г. с приложением Высочайше утвержденного “Положения для поселян Лифляндской губернии” и “Инструкции Ревизионным комиссиям”.

Суть ее состояла в следующем. Крестьян нельзя было теперь отделять от земли, хотя разрешалось переселять их на другие земли того же помещика. Запрещены были продажа и заклад крестьян без земли, дворовых можно было продать лишь раз, да и то дворянам, имевшим поместья. Отменено было согласие помещиков на браки крестьян, но сами крестьяне должны были извещать помещиков об этом. Назначение в рекруты передавалось крестьянским судам (часть членов которых назначались помещиками, другую выбирали крестьяне и батраки), причем так называемые крестьяне-хозяева были от него освобождены, в отличие от батраков и бобылей. В случае отстранения (за долги и дурное поведение) крестьянина от управления хозяйством по приговорам суда его место занимал ближайший родственник, при этом за хозяевами было закреплено наследственное право на землю. Размеры барщины определены были 2 днями в неделю. Повинности были обусловлены пользованием землею. Значительно хуже было положение батраков и дворовых, в отношении которых сохранялось право помещицей расправы, размеры которой были ограничены. Суды ведали делами о спорах между помещиками и крестьянами, но их приговоры утверждались самими помещиками. Существовали еще две судебные инстанции – приходские суды и ландгерихт, часть членов которых составляли крестьяне. По “Положению”, планировалось составить в 1809-1823 гг. книги, регламентирующие их повинности⁷.

Остановимся на анализе этого закона в историографии. Русский историк-эмигрант С.Г. Пушкарев считал его серьезной мерой “для улучшения положения крепостных крестьян” в данном регионе. А.А. Корнилов уклонялся от определенных оценок, обращая внимание на то, что оно сыграло “некоторую роль в ходе крестьянского вопроса в России”. Н.М. Дружинин обращал внимание на ряд начал “Положения” 1804 г.: “относительную свободу крестьянина, нормирование наделов и повинностей, крепость земле, крестьянские суды, вотчинную полицию”, указывая на “институт индивидуального потомственного владения наделом и разделение крестьян на хозяев и работников” как на его характерную черту. По его мнению, законодательное ограничение помещичьего произвола “и создание официальных инстанций для крестьянских жалоб – шло по линии социально-экономического развития”, а “в условиях разложения феодализма инвентари не могли укрепить шатающееся здание крепостнического порядка, ... они служили симптомом ослабления средневекового строя и возбуждали сопротивление и злобу со

стороны помещиков”; а крестьяне пользовались инвентарями, “чтобы наносить удары отживающей крепостнической системе”. Как отмечал С.Б. Окунь, после издания указа о “свободных хлебопашцах” правительство отказалось “от рассмотрения крестьянского вопроса в целом”, обращая внимание на то, что власти все же были вынуждены “заняться этой проблемой в плане отдельных районов империи и, в первую очередь, в отношении Прибалтики”; рост крестьянского движения в этом пограничном регионе в условиях назревающей войны с Францией “вызывал, конечно, особенное беспокойство”. К тому же обострение классовой борьбы здесь “приводило к усилению национального антагонизма”. Автор отмечал, что работа Лифляндского комитета протекала быстро, и в созданном им “Положении” сказывалось “стремление правительства юридически закрепить классовую дифференциацию эстонской и латышской деревни, которая в это время проявлялась уже весьма ярко. Несколько улучшая положение крестьян-дворохозяев, т.е. арендаторов помещичьей земли, закон противопоставлял бедняцкую часть деревни – батраков и бобылей – зажиточной ее части. Этим самым, по замыслу правительства, частично сгладились бы и национальные противоречия, поскольку возникла бы некоторая общность интересов между арендаторами-латышами и эстонцами, и их помещиками-немцами, в равной мере заинтересованными в эксплуатации беднейшей части эстонской и латышской деревни. Все эти мероприятия должны были быть проведены в условиях сохранения крепостного права и без посягательств на экономические привилегии дворянства”⁸.

По нашему мнению, вряд ли проблема национальных противоречий интересовала власть в первую очередь. Что же касается главного водораздела, то он, скорее, проходил все же между дворянством, владевшим поместьями на помещичьем или арендном праве, и остальной массой крестьян-дворохозяев, батраков и дворовых людей, противоречия между которыми не стоило бы преувеличивать. Иное дело, что, проводя реформу, власти задумывались о том, чтобы не повредить развитию сельскохозяйственного производства здесь, стремясь по возможности сохранить благосостояние всех слоев лифляндского общества. Не стоит преуменьшать некую отстраненность петербургской элиты от “шкурных” интересов прибалтийского дворянства, стремившегося при сравнительно выгодной рыночной конъюнктуре “сорвать большой куш” с крестьянства. Нельзя согласиться с тем, что “экономические привилегии дворянства” здесь не были

поколеблены, что помещичьи интересы не были “ущемлены”. Любая инвентарная реформа, тем более столь серьезная и продуманная и проводившаяся все же извне и под нажимом верховной власти, не могла не вызвать громадного недовольства лифляндского дворянства. Да и сам автор признает, что “Положения” 1804 г. вызвали “острое недовольство помещиков” региона, так как все же знаменовали “вмешательство государственной власти во взаимоотношения помещика и крестьянина” и “в какой-то мере” ограничивали “самовластие владельца имения”. Стоит представить, какой шквал недовольства высшего сословия России поднялся бы, если бы что-либо подобное было произведено или даже намечено в ту пору во внутренних губерниях России. Можно согласиться с положениями автора о том, что “законом 1804 г. дворохозяева признавались прикрепленными к земле и без земли проданы быть не могли. Отныне они являлись пожизненными и наследственными арендаторами своих наделов. В отдельных случаях дворохозяин имел даже право приобретать в собственность участок, представленный ему в пользование. Эта категория крестьян была освобождена от рекрутской повинности, а телесным наказаниям могла быть подвергнута лишь по приговору суда”. Но автор говорит об этом между прочим, а ведь это были невероятные для России льготы. В отношении же рекрутской повинности этой категории крестьян существовало, действительно, такое положение, согласно ст.4, что “крестьянин не может оставить состояния сельского жителя и избрать другой род жизни без позволения Правительства, общества или помещика, на чьей земле он поселен, то из сего следует равномерно, что крестьянин без собственного его согласия не может быть отделён от земли поместья, к которому он приписан, ни употреблён в работы, не принадлежащие к лифляндскому сельскому хозяйству, кроме работ общественных и государственной службы или рекрутской повинности”, но, по ст.51, на основании существовавших правил, “выбор сей не может пасть на крестьянина, владеющего хозяйством, разве по суду приговорен он будет к отдалению от управления хозяйством за неисправность в платеже податей Государственных и помещичьих, или по неспособности управлять хозяйством своим: но таковой приговор должен быть утвержден приходским судом”. Добавим к этому, что, по ст.53, “дабы облегчить поставку рекрут в тех поместьях, которые немногочисленны и потерпели бы чрез то большой недостаток в необходимых к земледелию силах, позволяется крестьянам таковых поместий ставить на свой счет людей вольных”, что было для них огромным послаблением, не типичным для России.

Применительно к отдельным статьям реформы отметим и спорные положения автора о том, что “дворовые люди по-прежнему могли продаваться без всякого ограничения. Дворовые и безземельные крестьяне сдавались в рекруты, подлежали барской “расправе” до 15 ударов палками или аресту до 2 дней”. На самом деле, согласно ст.25, “дабы оставить удобность дворовым людям, состоящим за дворянами и чиновниками, поместий не имеющими, обращаться к земледедю, позволяется таковых единожды продать, но не иначе, как дворянам, имеющим в Лифляндии собственные поместья”, и только. Другое дело, что они сохраняли свой статус как зависимые от помещиков люди, переходили по наследству и разделу имений, но, как таковая, продажа их и тем более крестьян не разрешалась. Согласно ст.28-30, они пользовались “равною свободой при вступлении в брак”, как и крестьяне; по примеру последних могли иметь “на равных с ними правах движимую и недвижимую собственность”, судиться в крестьянских судах и приносить в них жалобы на помещиков. Согласно ст.49-50, рекрутская повинность, судя по контексту, предоставлялась “единственно назначению крестьянских судов, но, по ст.52, крестьянский суд не мог “приговорить к отдаче в рекруты дворового человека; но от воли помещика” зависело “отдать в рекруты вместо назначенного из крестьян своего дворового человека”. Что же касалось “домашнего” наказания, то это положение автора соответствует истине, хотя и здесь определенные права на жалобы “судебные места” имели место, в том числе и применительно к этим категориям населения. Другое дело, как это могло происходить и часто происходило на практике. Заметим, что в “Лифляндском положении” было немало мер, направленных на смягчение крепостного права; по ряду параметров эта реформа даже превосходила нормы “редукции”, создавая лучшие возможности для существования лифляндских крестьян. Не зря ведь сенатор П.Г. Дивов говорил о “разных отяготительных” для дворянства “комиссиях”, хотя утверждал, что истинная цель реформы этим “не достигалась”. Вместе с тем, вряд ли можно утверждать, что этим законом было здесь “отменено крепостное право”, как полагали авторы энциклопедии “Отечественная история”, а также исследователь Ю.В. Захаров. Это была, по нашему мнению, радикальная инвентарная реформа, но сохранявшая ряд черт крепостничества⁹.

Положения этой реформы были распространены и на Эстляндию. В 1802 г. Александр I утвердил принятое местным ландтагом законоположение – “крестьянский регулятив”. За крестьянами было признано право собственности

на часть их движимого имущества и передачи хозяйства по наследству. Однако помещики сохраняли право переселять крестьян, а порой и лишать их земельных участков. Создавались зависимые от помещиков волостные суды. Теперь это законодательство дополнялось нормами лифляндского, а в 1805 г. было издано и “Положение о крестьянских судах Эстляндии”. Здесь ее условия для крестьян были менее благоприятны: “вакенбухи” составлялись не путем обмера и оценки земли, а на основе “старых традиций” и по “свободному договору” между помещиками и крестьянами. Обмер и оценка производились лишь по требованию крестьян. В Эстляндии ограничено было право крестьян на движимое имущество, которое нельзя было продавать или отчуждать другим способом. За помещиком сохранялось право продажи крестьян без земли, изгнания крестьян со двора, правда, с согласия волостных судов, где доминировали помещики. Наказания крестьян были высоки – до 50 палочных ударов¹⁰.

Как отмечал В.И. Семевский, Лифляндский комитет в Петербурге “продолжал существовать и после издания уложения, так как он иногда исправлял ошибки, вкравшиеся в составленные им законы, и разъяснял различные недоумения”. При этом его эмиссарам в Лифляндии приходилось вести постоянную борьбу с остзейскими землевладельцами, “преследовавшими... своекорыстные расчеты и не отступавшими даже от прямого подлога в делах и постановлениях Лифляндского комитета”. Следствием его работ стало издание 28 февраля 1809 г. “Дополнительных статей в пояснение Положения о правах и повинностях Лифляндских крестьян 20 февраля 1804 г.”. По мнению В.И. Семевского, этот документ включал в себя “некоторые весьма невыгодные для крестьян постановления, как например, разрешение отдавать в рекруты предпочтительно бобылей и, вместе с тем, дозволение переселять их из малоземельных в многоземельные имения. Этим дана была возможность устроить торговлю людьми без земли...”. По мнению авторов советской энциклопедии, дополнениями, принятыми в 1809 г., “помещикам удалось нейтрализовать закон 1804 г. и даже увеличить феодальную ренту”. Подобные оценки “Дополнительных статей” 1809 г. носят, по нашему мнению, односторонний характер. Нельзя не отметить, что законодатели в них продолжали прежнюю линию “Лифляндского положения”, в принципе сохранив систему взаимоотношений в лифляндской деревне, всю систему судов и др. и ориентируясь на нормы 1804 г., стараясь предусмотреть многочисленные тонкости, не учтенные первоначально, а, значит, были заинтересованы в их настоящей реа-

лизации. Например, в статьях 1809 г. (§§ 24-25) были определены временные размеры барщины в 12 часов, а в случае необходимости ночной работы крестьян количество дневной работы сокращалось (1 час ночной приравнивался к 1,5 дневной). Насколько можно судить, это был единственный пример в законодательстве империи в дореформенную эпоху, по которому можно судить о позиции на сей счет властей империи.

Все это позволяет понять, почему были обеспокоены эстляндские дворяне, когда правительство предложило им в 1809 г. пересмотреть нормы законодательства об отношениях помещиков и крепостных с приближением их к лифляндским нормам, о чем свидетельствует именной указ “О рассмотрении положений, Эстляндским Дворянством в 1804 г. составленного, о крестьянских повинностях, для определения с большею точностью как повинности крестьян, так и отношений их к помещикам” (адресованный министру внутренних дел князю А.Б. Куракину, бывшему в ту пору и главой Лифляндского комитета), реализация которого к тому же была фактически поручена первоначально Лифляндскому комитету, о чем говорит и включение в его состав в качестве правителя дел надворного советника А.С. Кайсарова, известного своими либеральными взглядами по крестьянскому вопросу. До того в Эстляндии повинности не были унифицированы и приведены в соответствие с оценкой земель, так как обмер и таксация не проводились. В итоге, как отмечал Х.М. Лиги, для местных помещиков освобождение крестьян стало бы “меньшим злом, чем регулирование повинностей по примеру Лифляндии”. По словам Судзуки, “эстляндское дворянство не приняло это предложение, предвидя большие затраты и не будучи уверенным в действенности этих мер; в его среде доминировало стремление ввести в отношениях с крестьянами принцип вольного договора”¹¹, что и привело к инициированию им в дальнейшем безземельного освобождения.

Заметим, что идеи “Лифляндского положения” 1804 г. нашли отражение в ряде правительственных документов более позднего времени. Ярким примером этого стала история с манифестом 27 мая 1810 г., выставившим на продажу более 332000 душ арендных крестьян, что было связано с финансовыми проблемами страны и проводилось в связи с планом их решения, разработанным М.М. Сперанским и Н.С. Мордвиновым. При обсуждении вопроса в Департаменте государственной экономии Государственного совета было признано, что “продажа излишних казенных земель как для частных людей, так и для самой казны весьма полезная быть может”, что эта мера отвечает и интересам крестьян, так как “ста-

ростинские и бывшие духовные имения, намеченные к продаже”, обычно сдавались во временную аренду, а “всякое временное управление, особливо, если не определено оно точными правилами, весьма редко соединено с пользою управляемых. К установлению в сих имениях лучшего порядка потребуются многие годы; а для надзора за исполнением надобно поставить множество судов и частных расправ и, следовательно, допустить множество мелких и неминуемых злоупотреблений”. Отсюда делался вывод, что помещичье управление лучше казенного. Видимо, царь был вынужден согласиться с мнением Совета. Судя по всему, это обсуждение выявило серьезную оппозицию монаршим планам в отношении ограничения помещичьих прав на крестьян, что было связано, видимо, с тем, что речь здесь шла уже и великорусских помещиков, которые могли приобретать населенные имения в западных регионах. В манифесте “имения арендные и другие, ныне во временном владении состоящие”, отделялись для обращения их “в частную собственность посредством продажи”, причем населенные земли могли приобретать дворяне, “купцы высших разрядов” и иностранцы, для чего создавались особые губернские комиссии, назначавшие время для торгов. В документе не было указано, каким будет положение продаваемых крестьян. Министр финансов Д.А. Гурьев запрашивал, сохраняют ли силу инвентарные правила, которыми определялись наделы и повинности крестьян в этих губерниях. Ответ был найден в манифесте: “крестьяне переходят к покупателям на помещичьем праве”. Этот план не принес больших дивидендов казне, и, в итоге, власти пришли к выводу о большей выгодности оставить этих крестьян в руках государства¹².

Заметим, что эта история, видимо, поставила крест на планах “люстрации” в арендных (а, возможно, и в помещичьих) имениях, хотя власти пытались корректировать взаимоотношения сторон в последующие годы. Можно предполагать, что в определенном смысле эти события привели Александра I к идее безземельного освобождения крепостных, реализованной в Остзейских губерниях в 1816–1819 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ-1. Т.24. №17945; Т.25. №18475, 18670, 18826, 19218; Т.26. №19642; РГИА. Ф.560. Оп.1. Д.130 (1818 г.). Л.1; *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм последней трети XVIII в. Омск, 1999. С.273.

² *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т.1. СПб., 1888. С.445; *Державин Г.Р.* Избранная проза. М., 1984. С.236; *Краутхайм Х.Й.* Александр I, 1801-1825 // Русские цари, 1547-1917 / Под ред. Х.Й. Торке. Ростов-н/Д.-М., 1997. С.384; *Са-*

- харов А.Н. Тяжкий путь российского реформаторства // Свободная мысль. 1995. №7. С.72; ПСЗ-І. Т.27. №20588, 20801; Т.28. № 21660, 21799; Т.29. №22158, 22162, 22218, 22517, 22728; Т.30. №22869, 23459, 23475, 23476; Т.31. №24144, 24172, 24260; Т.32. №25065, 25226; Журналы Комитета министров: Царствование императора Александра I. 1802–1812 гг. / Под ред. А.Н. Куломзина. Т.1. СПб., 1888. С.127, 253, 334-335, 359, 419.
- ³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2006. С.11; Кахк Ю.Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX в. Таллинн, 1962. С.104.
- ⁴ См.: М.Н.С. Фридрих Сиверс (Из истории крестьянской реформы в Лифляндии) // Исторический вестник. 1899. Июль. С.127-146; Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с франц. и послесл. С.В. Житомирской. Комментар. А.В. Курилкина. М., 2001. С.248.
- ⁵ Бокова В.М. Беспokoйный дух времени // Очерки русской культуры XIX в. Т.4. М., 2003. С.67; Кахк Ю.Ю. Указ. соч. С.187-188.
- ⁶ Семевский В.И. Указ. соч. С.291-292; Лооне Л.А. Крестьянский вопрос в общественной мысли Прибалтики в конце XVIII и начале XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб.5 / Ред. А.А. Новосельский. М., 1962. С.220; Судзуки Т. Крестьянская реформа в Курляндии // П.А. Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т.Эммонс. М., 2008. С.339-342; Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.3. М., 2000. С.116 (Далее – ОИЭ). Отметим мысль о некоторой спонтанности реформы в Лифляндии, высказанную в записке сенатора П.Г. Дивова, примерно датированной 1807 г.: “Между прочим, замечено было в государе стремление освободить крестьян от зависимости господ своих или дворян. Окруженный молодыми ласкателями, сей юный государь, напитавшийся ложными правилами от своего наставника Лагарпа, почитал сие делом единственной воли своей и, не предначертав себе плана, чтоб постепенно вводить вольность, начал действовать в губернии Лифляндской”. (Дивов П.Г. Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное // Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX веков: власть и общество: Сб. док. / По ред. А.Н. Долгих. Т.3. Липецк, 2008. С.234). Данный вопрос нашел отражение в записях П.А. Строганова о заседаниях Негласного комитета. Судя по всему, лифляндские дворяне обращались туда за разрешением о проведении реформы, о чем было заявлено Н.Н. Новосильцевым на заседании 20 января 1802 г. При обсуждении вопроса в Комитете голоса разделились. “Новосильцев полагал, что следовало дать желаемое разрешение, тем более что – рано или поздно – придется сделать первый шаг к освобождению крестьян; ... если же подает тому пример целая область, то это будет иметь влияние на всю Россию...”. По его мнению, поддержанному А. Чарторгыским, монарх “должен был, не вмешиваясь формально во взаимные отношения обоих сословий, дозволить помещикам заняться этим делом”. Но В.П. Кочубей “полагал, что при сильном общественном убеждении в наклонности Государя к освобождению крестьян было бы опасно обратить внимание на этот предмет в одной из областей, откуда движение могло бы распространиться на прочие, и потому следовало внести это дело на обсуждение в Совет”. По мнению Строганова, “не следовало запрещать автору проекта привести его в исполнение у себя”, но дело должно быть рассмотрено в Комитете, а не в многочисленном собрании, подобном ландтагу” (Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. Т.1. СПб., 1869. Паг.4. С.61-62).
- ⁷ ПСЗ-І. Т.27. №20758, 20930; Т.28. №21162; Санктпетербургский журнал. 1804. №4. С.87-114; Развитие русского права в первой половине XIX в. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. М., 1994. С.72; Судзуки Т. Указ. соч. С.341; ОИЭ. Т.3. С.116, 369; Советская историческая энциклопедия. Т.16. М., 1976. Стб. 613 (Далее – СИЭ); Новая Российская энциклопедия. Т.1. М., 2004. С.261; История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / Под ред. Г.И. Наана. 2-е изд. Таллин, 1958. С.197.
- ⁸ Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. СПб., 1999. С.326; Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. Ч.1. М., 1912. С.126-127; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т.1. М.; Л., 1946. С.151, 277-278; Окунь С.Б. История СССР (Лекции). Конец XVIII – начало XIX в. Ч.1. Л., 1974. С.147-148. См. также: Лооне Л.А. Указ. соч. С.220; СИЭ. Т. 8. М., 1965. Стб.438-440; Т.16. Стб.613; Кахк Ю.Ю. Указ. соч. С.206, 208-209; Лиги Х.М. Лифляндский крестьянский закон 1804 г. и феодальные повинности крестьян // Известия АН Эстонской ССР. Сер. общественных наук. 1966. №4 (15). С.393.
- ⁹ ПСЗ-І. Т.28. №21162; Окунь С.Б. Указ. соч. С.147-148; Дивов П.Г. Указ. соч. С.234; Захаров В.Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв. Ч.1. М., 2008. С.456; ОИЭ. Т.3. С.116, 369.
- ¹⁰ История Эстонской ССР.. С.196.
- ¹¹ ПСЗ-І. Т.30. №23505; Семевский В.И. Указ. соч. С.292-295; СИЭ. Т.8. М., 1965. Стб.438-440; Лиги Х.М. Указ. соч. С.401; Судзуки Т. Указ. соч. С.340. См. также: ГАРФ. Ф.109. Оп.1. Д.260 (1841 г.). Л.3-6 об.
- ¹² ПСЗ-І. Т.31. №24244; Семевский В.И. Указ. соч. С.248; Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1. С.148-151.

LIVONIA STATUTE OF 1804 IN THE IMPERIAL ASPECT: ON THE HISTORY OF THE PEASANT PROBLEM IN RUSSIA IN THE EARLY XIX CENTURY

© 2010 A.N. Dolgikh

Lipetsk State Pedagogical University

In the article on the basis of new sources the author analyzes the Livonia statute of 1804, one of the major reforms of Alexander I, its subsequent changes and significance for the solution of the peasant problem in Russia.

Key words: Livonia, serfdom, possessory peasants, inventory reform.

Arkady Dolgikh, Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History. E-mail: adonli@mail.ru